

Лола Звонарева

Юрий Кузнецов и Польша

Acta Neophilologica 18/2, 187-193

2016

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Лола Звонарева

Института мировых цивилизаций в Москве

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ И ПОЛЬША

Key words: semantic dyad, symbol, messianic value

Юрий Поликарпович Кузнецов (1941, станица Ленинградская Краснодарского края – 2003, Москва) – поэт, переводчик, лауреат Государственной премии РФ, заведующий отделом поэзии журнала «Наш современник», ведущий поэтического семинара в Литературном институте имени А.М. Горького, который он в своё время закончил, занимаясь в семинаре поэта-фронтовика Сергея Наровчатова, главного редактора журнала «Новый мир». Авторитетный литературовед В.В. Кожин ещё в 1990 году называл его «наиболее значительным, самым выдающимся русским поэтом нашего времени», чьё творчество «отмечено печатью поэтического величия» [Кузнецов 1990, 3].

После внезапной смерти Юрия Кузнецова в 2003 году издательством газеты «Литературная Россия» выпущено 6-томное собрание сочинений. И с 2005 года в Краснодаре в библиотеке, а также в Москве – в Институте мировой литературы РАН и Литературном институте имени М. Горького стали проходить ежегодные международные «Кузнецовские чтения» с обязательной публикацией сборников материалов каждой конференции. В московских Кузнецовских чтениях от Польши участвовал профессор Гданьского университета Франтишек Апанович. В Краснодаре и в Болгарии вышли книги о поэте: последняя (*Творчество Юрия Кузнецова 2012 года издания*) написана болгарским профессором Ивайло Петровым вместе с автором этого сообщения [Звонарёва, Петров 2012, 110].

В Польше поэт побывал дважды – в мае 1980 года: приехав на поезде в составе большой писательской делегации, и, как он сам писал, «перерезав Польшу вплоть до Одера» [Кузнецов 2015, 528], до Збошенека, где их встречал местный писатель пан Генрик из городка Зелёная Гура, и советских писателей из разных республик поселили в гостинице *Полен*. Самое сильное впечатление поэта в 1980 году от Польши – прелестные

девушки: «Моё унылое настроение разом пропало, когда я, озираясь, заметил в кафе прекрасную польскую девушку. Она сидела через столик, и мне легко было ее рассматривать. Пленительный польский тип!... ..вся она прелесть. Она встала, я проводил её взглядом. Лети, лети, прекрасное мгновенье!» [Кузнецов 2015, 528].

В сентябре 1987 года поэт посетил Варшаву, где вместе с коллегами принял участие в празднике поэзии *Варшавская осень*. Это путешествие подробно описала московская писательница и журналистка, главный редактор литературного альманаха «Эолова арфа» Нина Краснова в документальной повести *Варшавская осень*, впоследствии вошедшей в её книгу прозы *Цветы запоздалые*.

К переводу знаменитого цикла *Крымские сонеты* Адама Мицкевича (1798-1855) Юрий Кузнецов, отец которого – начальник полковой разведки Поликарп Ефимович Кузнецов погиб в Крыму при штурме Сапун-горы [Кузнецов 2011, 427], обратился неслучайно. В балладе *Четыреста* топоним Крым встречаем в весьма драматическом контексте: «Через военное кольцо // Повозка слёз прошла, // Но потеряла колесо // У крымского села» [Кузнецов 1990, 38].

Из цикла польского классика «Крымские сонеты» Кузнецов перевёл только один сонет – *Аккерманские степи* (кстати, до него переводившийся более чем тридцатью русскими писателям, в том числе А. Майковым, А. Фетом, Иваном Буниным), включённый поэтом в сборник избранных переводов *Пересаженные цветы*, выпущенный в 1990 году московским издательством «Современник» (Аккерман – ныне город Белгород-Днестровский в Украине).

Прочитируем перевод сонета полностью: «Мы вышли на простор сухого океана; // Повозка в зелени ныряет, борозда // По нивам и цветам проходит, иногда // Минует острова багряного бурьяна. // Уже темнеет, ни дороги, ни кургана; // Ищу на небе звёзд – не сбиться б со следа. // Там блещет облако? Там вспыхнула звезда? // То блещет Днестр, то светит лампа Аккермана. // Как тихо! Задержишься! Я слышу перелёт // Незримых журавлей, я слышу, как ползёт // Змея и по пути верхушки трав колышет, // Как бабочка в траве трепещет; настаёт // Такая тишина, что мог бы я услышать // И зов с Литвы – пошёл! Никто нас не зовёт» [Кузнецов 1990, 17].

Автор предисловия к этой книге переводов, близкий друг поэта уже упоминавшийся московский литературовед В.В. Кожин так оценил этот небольшой перевод с польского языка: «...лучшие переводы Юрия Кузнецова принадлежат именно к типу перевода-соперничества. Поэт обычно как бы выдвигает перед собой цель не дать представление о переводимом им произведении, но создать подлинное явление русской поэзии, воссоздающее смысл переводимого «оригинала». При этом кузнецовские переводы, как правило, вовсе не являются так называемыми «вольными» (или «переложениями»): они достаточно верно и полно воссоздают текст

«оригинала». Вот, скажем, перевод последних шести строк знаменитого сонета Адама Мицкевича (из его книги *Крымские сонеты*) *Аккерманские степи*... «Вольности» перевода в сущности совсем незначительны: изменена последовательность образов – у Мицкевича сначала речь идёт о журавлях..., затем о бабочке-мотыльке... и, наконец, об уже... – опущена деталь о немогущем достичь журавля зрении сокола и ещё несколько мелочей. Такая близость к тексту – редкость в переводческой практике. Но в переводах Юрия Кузнецова дело почти всегда обстоит именно так... И Юрий Кузнецов не просто даёт нам представление о незнакомой поэтической стихии, но делает её прямым достоянием русского искусства слова, ибо все здесь сотворено, как говорится, на самом высоком уровне... воспринимая... переводы Юрия Кузнецова, нельзя не оценить всю мощь и размах его поэтического дара» [Кузнецов 1990, 6-7].

Есть основания предположить, что поэт выбрал для перевода именно этот сонет, потому что там идёт речь о близких ему с детства местах – степи, окружающей село Александровское на Ставрополье, куда он попал годовалым, а затем тихий городок Тихорецк, где он жил в дедовой саманной хате, сродни той степи, что описывает Мицкевич.

Близок русскому поэту и круг образов, упоминаемых в этом сонете Адамом Мицкевичем и весьма созвучных поэтической вселенной Юрия Кузнецова – повозка (баллада *Четыреста*), звезда, журавли (стихотворение Кузнецова *Деревянный журавль* 1967 года), бабочка (стихи Кузнецова *Бабочка* 1991 года, *Бабочка и звезда* 1980 года), тишина, змея (вспомним его поэму *Змея на маяке*, стихотворение *Змеиные травы* 1968 года, *Афганская змея* 1989 года). Литературовед Кирилл Анкундинов считает, что «змея – всенепременный признак поэзии Кузнецова, фактический тотем Кузнецова» [Кузнецов 2011, 33]. Четырежды появляется змея и в небольшом стихотворении поэта *Посох*, на фоне «широкого поля», по сути – всё той же степи:

Отпущу свою душу на волю
И пойду по **широкому полю**.
Древний посох стоит над землёй,
Окольцованный мёртвой **змеёй**.
Раз в сто лет его буря ломает.
И **змея** эту землю сжимает.
Но когда наступает конец –
Воскресает великий мертвец.
– Где мой посох? – он сумрачно молвит
И небесную молнию ловит
В богатырскую руку свою.
И навек поражает **змею**.
Отпустив свою душу на волю,
Он идёт по **широкому полю**.
Только посох дрожит за спиной,
Окольцованный мёртвой **змеёй** [Кузнецов 1990, 96].

А в *Былине о строке* (также вошедшей в сборник стихотворений 1990 года издания) находим четверостишие, в котором образ тишины соседствует с образом звезды, то есть использованы в одном контексте та же семантическая пара, что и в сонете Мицкевича *Аккерманские степи*:

А за лесом спят добры молодцы,
Тишина-покой, дремлет истина,
И **звезда** горит ясным пламенем
После вечности мира сущего [Кузнецов 1990, 76].

В написанном в 1979 году стихотворении *Пролог* появляется ещё один польский топоним – драматический образ Мазурских болот:

Пусть тростинка ему запоет
Про дыхание спящего тура,
Про **печали Мазурских болот**
И воздушных твердынь Порт-Артура... [Кузнецов 2011, 164].

В комментариях к этому стихотворению молодой московский литературовед Евгений Богачков поясняет: «...речь идет о наиболее трагических эпизодах русской военной истории начала XX века, связанной с поражением и гибелью русской армии, которые, в свою очередь, перекликаются с подобными более ранними событиями («Как посёк наше войско монгол...»). В районе Мазурских болот – на северо-востоке Польши, а до 1945 года на территории Пруссии, – во время 1-й мировой войны в 1914-1915 годах происходили кровопролитные бои между русскими и германскими войсками. Оторвавшись от тылов, оставшись без обозов с продовольствием и боеприпасами, русская армия все больше углублялась в заболоченные леса. Без боеприпасов и пополнения, без продовольствия, окруженные со всех сторон, войска генерала Самсонова продолжали сражаться. Были предприняты отчаянные попытки прорваться к своим, но из 80-тысячной армии сквозь вражеское окружение пробилось лишь двадцать тысяч солдат и офицеров, в план попали тридцать тысяч, двадцать тысяч раненых осталось в лесах и болотах Восточной Пруссии, остальные погибли или пропали без вести» [Кузнецов 2011, 437].

В 90-е годы поэта стала волновать столь любимая Ф. Тютчевым идея единства европейского славянства. Очевидно, именно она вдохновила Кузнецова на создании в 1994 году стихотворения *Вечерняя песня славянина*, где встречается еще один польский топоним – река Висла, а также упомянутый у Мицкевича Днестр и распространенные польские имена – Станислав, Богуслав, Мирослав, Мечеслав, Бронислав, Болислав:

Во мгле ворошу имена нашей славы,
Как угли в потухшем костре...
Взметаются искры, гудят переправы
На Висле, Дону и Днестре.
Там храм Святослава, там храм Богуслава,

Там братство твое, Братислав;
Там мир Мирослава, там меч Мечеслава,
Стрела твоей мести, Мстислав...
Там стан Станислава, там власть Владислава
И лихо твое, Лихослав;
Броня Бронислава, кремень Твердислава
и милость твоя, Милослав...
Надолго-надолго, на вечные веки
Сияй, наша слава, сияй! [Кузнецов 2015, 64].

В 1982 году Юрий Кузнецов, сын фронтовика, погибшего в 1944 году, хранящий в душе священные раны последней великой войны, пишет стихотворение *Встреча*, один из главных героев которого – одноногий польский солдат:

На мосту, где двоим разойтись ни малейшего шанса,
Одноногий поляк увидел одноногого ганса.
Ой, вы ноги мои! Тот без левой, а этот без правой,
Тот хромал Сталинградом, а этот гордился Варшавой.
– Доннер-веттер! Пся-крев! – повстречались глухие проклятья,
Чтобы им разминуться, они обнялись, будто братья.
Ноги стали на место – сошлись на мгновенье дороги,
И опять разошлись... Человечество, вот твои ноги! [Кузнецов 1990, 42]

Варшава упоминается здесь, очевидно, в память о знаменитом варшавском восстании 1944 года, потопленном немцами в крови, когда цвет польской культуры в лице ее преподавателей и студентов был уничтожен эсесовцами во время подавления этого стихийного бунта. В сознании российских шестидесятников она, прежде всего, связана с фильмом Анджея Вайды *Пепел и алмаз*, названного так в честь стихотворения польского поэта Норвида. Культуролог Г. Гачев в книге *Национальные образы мира. Польша*, ссылаясь на полониста Ольгу Медведеву, утверждает, что для польской литературы особенно важен мотив реки: *Над Неманом* Ожешко, *Фараон* Пруса (там Нил мистически обыгран и понят), *Вернве река* Жеромского [Гачев 2003, 95].

В творчестве поэта-символиста образ «моста» в большинстве случаев имеет символическое значение. Сам поэт писал о своем творческом методе: «С помощью символов я стал строить свою поэтическую вселенную» [8, 5]. Доказательство этому предположению находим в двух четверостишиях стихотворения *Распутье*, включённого поэтом в ту же книгу, что и анализируемое нами стихотворение *Встреча*:

Не шумите, редкие деревья,
Ни на этом свете, ни на том.
Не горите, млечные кочевья
И мосты, – между добром и злом [Кузнецов 1990, 150].

Германия для Юрия Кузнецова – не только страшный враг советского государства, но и страна, подарившая миру великих философов – Канта, Гегеля, Ницше и поэтов. Недаром русский поэт в книгу переводов *Пересаженные цветы* включил свой перевод с немецкого романтической трагедии Фридриха Шиллера *Орлеанская дева*. Наше предположение подтверждает и вошедшее в состав в того же сборника стихотворений 1990 года, что и стихотворение *Встреча*, поэтическая миниатюра *Дух Канта*. Прочитируем её целиком:

Дух Канта встал из своего угла,
Похожий на двуглавого орла,
И клеток ангиномий двуединых
Рассёк безмолвье на седых вершинах.
И небеса, и нравственный закон
Потряс удар – распалась связь времён.
И вещи мира рухнули все разом,
И зарыбил, как волны, чистый разум [Кузнецов 1990, 85].

Итак, Кузнецов считал, что «поэты военного поколения донесли до нас быт войны. Война как бытие до сих пор освоена мало» [Кузнецов 2015, 5]. Уже на первом же съезде писателей в 1975 году, где ему дали слово, Кузнецов подчеркнул: «...вот уже лет двадцать в поэзии царит быт. Поэты вообще напоминают людей, находящийся на льду бездонного озера. Однако мало кто из сегодняшней поэтической молодежи подозревает о глубине озера, о его мощных подводных течениях, скрытых тонким ледяным покровом. А ведь назначение поэта в том и состоит, чтобы за поверхностным слоем быта узреть само бытие» [Кузнецов 2015, 5].

В стихотворении «Встреча» на уровне характерных для поэта многослойных подтекстов идёт речь о мессианском значении для европейской цивилизации, кроме высоко ценимой поэтом русской культуры, ещё двух великих культур – немецкой, знаменитой философами (которых нередко цитировал поэт), и польской, подарившей миру великих музыкантов Шопена, Огинского, поэтов Мицкевича, Норвида, прозаиков Г. Сенкевича, Болеслава Пруса, режиссера Анджея Вайду: «Человечество, вот твои ноги!» [Кузнецов 1990, 42].

Библиография

- Гачев Георгий. 2003. *Национальные образы мира. Соседи России. Польша. Литва. Эстония*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Звонарёва Лола. 2012. *Петрова И. Творчество Юрия Кузнецова*. София: Университетско издательство «Св. Клемент Охридски».
- Кожин Вадим. 1990. *Предисловие*. В: Кузнецов Юрий. *Пересаженные цветы. Избранные переводы*. Москва: Современник: 6-7.

- Кузнецов Юрий. 1990. *Пересаженные цветы. Избранные переводы*. Москва: Современник. .
- Кузнецов Юрий. 1990. *Стихотворения*. Москва: Молодая гвардия.
- Кузнецов Юрий. 2011. *Стихотворения*. Серия *Всемирная библиотека поэзии*. Москва: Эксмо.
- Кузнецов Юрий. 2015. *Польские заметки. Тропы вечных тем. Проза поэта*. Москва: Литературная Россия.
- Кузнецов Юрий. 2015. *С войны начинаюсь... (Ко Дню Победы): стихотворения и поэмы*. Москва: Литературная Россия.
- Кузнецов Юрий. 2015. *Стихотворения и поэмы*. Том 5: 1992-2003. Москва: Литературная Россия.
- Материалы научно-практической конференции. Вера и судьба России. Век XX, век XXI: Юрий Кузнецов – поэт и мыслитель. 14-15 февраля 2007 г.* 2007. Сост. Шапошников В.Н., Богачков Е.В. Книга вторая. Москва: Московская городская организация Союза писателей России.
- «Он стоял перед самым Ответом...» *Кузнецов и христианский мир: сборник материалов шестой научно-практической конференции*. 2013. Сост. Дубинина Г.Н, Богачков Е.В. Москва: Моск. культурно-образовательный центр при Литературном институте им. А.М. Горького.

Summary

YURI KOUZNETSOV AND POLAND

This article analyses a translation of one of Adam Mickiewicz's *Sonnets from the Crimea* made by Yuri Kouznetsov, a famous Russian poet. It is not incidental that some Polish toponyms coincide with personal names mentioned in Kouznetsov's poetry. The author of the article examines the system of symbols that Kouznetsov resorts to in his texts concerning either Polish themes or stories. It is concluded that in one of his philosophical verses Kouznetsov proclaimed Polish and German culture to have messianic value.

Kontakt z Autorką:
lzvonareva@mail.ru